

Пролог

Олесе удалось вырваться из офиса лишь за час до полуночи. Она куталась в колючий шарф и одновременно пыталась удержать тяжелый портфель с документами и коробку с самыми красивыми пирожными на свете. Кто-то празднует свадьбу, а она будет отмечать развод! Избавление от мужа-изменника и личной жизни. Больше никаких мужчин, никаких отношений, никакой любви. Хватит с нее! Натерпелась. Теперь у нее полно свободного времени, и она потратит его на карьеру. Добьется немыслимых высот, успеха и денег.

Прижимая к груди коробку с заветным лакомством, Олеся дошла до дороги. Недавно снова шел снег. Он успел укрыть укатанную сотнями колес дорогу и грязные сугробы новым белым слоем. В свете фонарей мерцали пушистые снежинки. Может, снеговика слепить? Глупая какая-то мысль. Зато появится у нее мужчина. Всегда молчаливый и спокойный. Не будет таскаться по снежным бабам. А при плюсовых температурах растает и плавненько исчезнет из ее жизни.

И о чём она думает? Кого обманывает? Самая обычная неудачница с самой обычной жизнью. Ее ждет тоже самое, что и тысячи других людей. Скучная рутинная работа, нудная возня с бумажками. И так изо дня

в день. Пока не состарится и не умрет в унылом одиночестве. Не самые радостные мысли накануне Нового года. Но и праздник ей встречать, дежуря до последнего в офисе. Она, видите ли, теперь разведенка. «Ни мужа, ни детей, а значит вполне может подежурить вместо семейных» — слова ее урода-начальника. И ведь не откажешься! Попрет с работы на раз. Плевать он хотел на трудовой договор. Нужно запастись любовным романчиком погорячее, коробкой конфет, желательно с ликером, и упаковкой бумажных платков, чтобы оплакивать свой убогий праздник. И ладно бы была она врачом или спасателем. Но что делать тридцать первого декабря в офисе обычной пиарщице?!

Олеся остановилась у светофора. Конечно же, он уже не работал. Даже светофор ушел на покой, а ей еще тащиться домой. Пешком. Денег на такси не хватило. Между ним и пирожными Олеся выбрала пирожные. Последний троллейбус ушел давным-давно. В лучшем случае через час она придет домой, наскоро примет душ, упадет спать и... через шесть часов проснется, чтобы снова ползти на работу. Вот и вся ее богатая событиями жизнь. Может, написать письмо Деду Морозу? Вон он как радостно и лукаво улыбается с огромного рекламного щита. Должна же у него где-то заваляться парочка чудес для подобных Олесе неудачниц.

Олеся непроизвольно замедлила шаг и совсем остановилась, не торопясь переходить дорогу. Она задумчиво рассматривала бородатого старика, всерьез размышляя о том, а не написать ли ему письмо? Впрочем, оно уже вряд ли успеет дойти, где бы старик сейчас ни находился.

Рекламный щит был похож на старинную винтажную открытку позапрошлого века. Дед Мороз в пущистом алом тулупе и таком же колпаке зазывал всех посетить

какое-то чудесное место, затерянное непонятно где. Одной рукой он указывал на яркую, горящую праздничными огоньками деревушку, которая выглядела вполне сказочно и волшебно. В другой держал небольшую елку. Видимо, реклама какой-нибудь туристической компании. Ладно, письмо Деду Морозу писать действительно глупо. Но ведь никто же не запретит ей попросить?! Прижав к боку папку с документами и коробку с пирожными, Олеся быстро тихонько зашептала:

— Пожалуйста, Дедушка Мороз, я тебя очень-очень прошу... Исполни мое желание... Помоги мне встретить любовь... Я понимаю, что уже взрослая, но чего тебе стоит, а? Одно маленькое чудо? — Бабушка всегда говорила, что Вселенной нужно конкретно говорить, чего хочешь. — Пусть я завтра проснусь не от дурацкого будильника! Пусть он позвонит в дверь... Ой, нет, звонок у меня сломан. Пусть он постучит. Я открою, и мы поймем, что созданы друг для друга. Пусть он будет смелым, сильным, каменной стеной. И сильно меня полюбит! И хотелось бы богатого. Ну и симпатичного. И чтобы был мне верен. И ценил меня. А я буду делать все, чтобы он ни разу не пожалел, что ошибся дверью и встретил меня. Я знаю, что многого прошу, но пожа-а-алуйста...

Олеся с мольбой взглянула на Деда Мороза. Его шуба переливалась в мутном свете фонарей. Неожиданно пошел снег. С неба сыпались огромные пушистые хлопья. Олеся щурилась от снежинок, падающих на глаза. Может, из-за этого, а может, из-за того, что был напряженный день, но показалось, что Дед Мороз подмигнул ей. Олеся потерла глаза. С ума уже сходит, наверное, от безысходности и одиночества. Ладно. Хватит тут торчать. Пока домой дойдет, можно будет на работу снова выдвигаться. Олеся посмотрела по сторонам, проверяя, нет ли запоздавших машин. Но улица была пуста. Конечно, все уже

давно дома. Нежатся в теплых постелях и крепких объятиях. А у нее даже игрушки мягкой нет, с которой можно пообниматься. Олеся едва успела сделать пару шагов, когда из-за поворота вылетел огромный черный внедорожник. Он несся на фантастической скорости прямо на нее. На какое-то мгновение она застыла, не зная, куда бежать. Назад? Вперед? Боже... Олеся неловко дернулась, заставляя себя сдвинуться хоть в какую-нибудь сторону. Но не успела. Автомобиль врезался в нее с чудовищной силой. Адская боль парализовала тело. Крик застрял в горле хрипом. Дыхание перехватило, и Олеся взлетела в воздух. Ей хотелось кричать от мучительного спазма. Снежинки раскаленными ножами врезались в лицо. Внутри все пылало. Перед глазами кружилась улица, а время словно остановилось.

Олеся ощутила новую волну мучительной боли. Кажется, она упала на машину. В затылок врезалось что-то острое. Она не могла дышать. Пыталась, но не могла. Тупая нестерпимая боль сжигала тело, пульсировала. По лицу потекло что-то мокрое и горячее. В воздухе почему-то кружились листы белой бумаги. Позвоночник прошибло судорогой. Последнее, что она увидела, как Дед Мороз с рекламного щита широко улыбнулся, глядя прямо на нее.

Той ночью Олесе Ильевой дойти до дома было не суждено. И дежурить в офисе тридцать первого декабря тоже. Загадывая желание, она не знала, что в этот самый момент по дороге мчится пьяный водитель. Она не знала, что он ее даже не заметил. И, конечно, она никак не могла знать, что не остановившись она перед щитом, то, возможно, уцелела бы. А еще ей было неизвестно, что на следую-

ший день никто не ошибся бы адресом и не постучал в ее дверь. Что ей было суждено? Прожить одинокую тяжелую жизнь. Потому что в этом мире не существовало того мужчины, о котором она мечтала. Ей было суждено страдать от безысходности и невзгод. Но, конечно же, этого она тоже не знала. И не узнает никогда.

Потому что той ночью Олеся Ильева умерла.

Но успела загадать желание...

Глава 1

Миклош рассматривал жену. Что-то долго она не приходит в себя. Возможно, он немного перестарался. Из ее носа все еще слабо сочилась кровь. На полу уже натекла темно-вишневая лужица. Хоть не сдохла? Он подошел к жене, опустился на корточки и, брезгливо морщась, запустил руку в спутавшиеся волосы. Едва он приподнял ее голову от пола, как послышался тихий стон. Жива. Равнодушно Миклош разжал ладонь. Голова женушки с тихим стуком упала обратно. Миклош отер руку. С дорогой супругой нужно что-то делать. Это была глупая идея — жениться на ней. С другой стороны, чокнутая Маргит была лучшим прикрытием для его постыдных привязанностей. Узнай кто-нибудь, что он, наследник одного из самых уважаемых и влиятельных семейств, питает слабость к мужчинам, скандала не избежать. А взяв в жены слабоумную, он мог беспрепятственно встречаться с любовником и предаваться любимым развлечениям. Маргит жила в своем собственном мире, шарахаясь от теней, кружась под дождем и снегом и, самое главное, оставаясь немой как рыба. Миклош не знал, была ли она нема от рождения, но на его памяти она ни разу не произнесла ни слова. Да и деревенские не слыхали.

Иногда ему казалось, что у нее случаются проблески сознания. Временами Миклош ловил на себе ее внимা-

тельный пронзительный взгляд. Убогая пялилась на него так, словно все понимала. Тогда он доставал маску, кнут и возвращал ее в то состояние, в котором ей надлежало пребывать, — его послушной марионетки.

Сегодня она особенно сильно донимала его. В деревне Маргит заметила Вильгельма, его любовника, начала тыкать в него пальцем и что-то бессвязно лепетать. Миклошу стало страшно. Пожалуй, впервые за всю жизнь. Он даже брата так не боялся, как разоблачения. Вряд ли Маргит могла раскрыть его тайну. Вряд ли она вообще что-то понимала! Но узнала же она Вильгельма. Кто знает, что она могла выкинуть в следующий раз? Поэтому пришлось вновь надеть деревянную маску Крампуса, взять в руки кнут и преподать Маргит несколько уроков о том, что бывает с теми, кто плохо себя ведет.

Миклош не знал, почему Маргит так боится этого демона. Она буквально столбенеет, стоит ей увидеть короткие рога, заостренный подбородок и вываливающийся из зубастой пасти раздвоенный алый язык. Он понял, что она приходит в ужас от жуткого существа из старых легенд, во время одного из празднеств в деревне. Миклош потащился туда, чтобы показать подданным, как он их ценит. Толпа местных мужиков переоделась в Крампусов и пугала маленьких оборванцев, обещая им розги за дурное поведение. У Маргит, едва она их завидела, случился приступ. Пришлось силой уводить ее оттуда. Ему даже помогали несколько крестьян. Она брыкалась, вырывалась и что-то мычала, закатывая глаза. Сумасшедшая, одним словом.

Но в тот момент Миклош понял, как повлиять на женушку, если она начнет доставлять неприятности. Чтобы не вызвать подозрений, он специально поехал в город и прикупил у старого мастера маску. А заодно и кнут. Но чами, когда бушевала гроза или начинался особенно лихой

снегопад, Миклош надевал маску и заявлялся в спальню к жене. Чтобы она хорошенъко рассмотрела его и запомнила жуткий лик, Миклош зажигал свечу. Странно, но во сне она выглядела вполне нормальной. Испытывая сладкое, ни с чем не сравнимое ощущение власти и превосходства, он касался ладонью плеча Маргит, сначала нежно и ласково, а потом сжимал до синяков. Она начинала просыпаться, тихонько постанывая и дергая рукой. Тогда Миклош отвешивал ей звонкую пощечину. Он старался бить так, чтобы фамильный перстень до крови рассекал ей губы. Почему-то темная густая жидкость — единственное, что возбуждало его в женщинах. Обычно после этого Маргит просыпалась окончательно. Несколько мгновений она просто глупо пялилась на него, а затем начинала метаться по кровати и хныкать.

Сначала Миклош просто взмахивал кнутом и, оставив жену в полуобморочном состоянии, уходил. Потом он начал разговаривать с ней. Тихим шепотом говорил, что пришел наказать ее за дурное поведение и за то, что не слушает мужа. А однажды, когда убогая осмелилась оказать ему сопротивление и расцарапала руку, Миклош ударил ее кнутом. О, сколько же наслаждения он тогда испытал. Это было невероятное ощущение. Пожалуй, сравнимое по силе с тем, что он испытывал в объятиях Вильгельма. С тех пор Миклош не отказывал себе в удовольствии немного покалечить дражайшую женушку. Иногда даже брал ее, не снимая маски, едва дышащую, посреди покрытых брызгами крови простыней.

Слуги давно привыкли к тому, что иногда их госпожа выглядит так, словно едва избежала смерти. Он сознательно распространял слух, что ее преследуют жуткие видения и галлюцинации, что она умышленно ранит себя. Доктор предлагал связывать ее. Но Миклош, усердно играя роль любящего мужа, раз за разом отвергал его ме-

тоды. «Любые пути еще больше пугают ее. Она впадает в ярость, когда видит их. Я не хочу, чтобы мое сокровище страдало и мучилось». И ему верили! Все эти глупые наивные людышки верили ему и восхищались его самоотверженностью и верностью жене. В такие моменты Миклош с трудом сдерживал улыбку.

Но в этот раз он переусердствовал с кнутом. Рассек до крови кожу на спине. Гонял Маргит по всей спальне, швырял от стены к стене, пару раз даже едва не сломал шею. Она металась, беззвучно рыдая и царапая пальцами дверь.

Носком сапога Миклош перевернул Маргит на спину. Она не застонала, не открыла глаз. Даже грудь не поднялась от дыхания. Неужто сдохла наконец? Преодолев отвращение, Миклош опустился на колени и прижался ухом к ее груди. Тишина... И куда ее теперь девать? Мозг лихорадочно заработал. В голове крутились маленькие винтики, как в часовом механизме. Лучше всего избавиться от тела. Например... Например, он может вывезти ее отсюда, бросить где-нибудь в лесу, а на утро забить тревогу. За это время она окоченеет, и Миклош будет избавлен от нее навсегда. А еще лучше, если пойдет слушок о ее побеге. С любовником. Конечно же! Он найдет в одной из окрестных деревень какого-нибудь крестьянина и убедит его за пару монет свидетельствовать о греховной связи с его женой. Но как объяснить то, что она окажется в лесу? Миклош задумался... И как он сразу не сообразил? Жена и любовник задумали побег! Однако у Маргит случился очередной приступ и вместо деревни она отправилась в лес, где стала жертвой метели и собственного безумия.

Так он и поступит. Стянув с кровати простынь, Миклош завернул в нее тело жены. Уже была глубокая ночь, а значит, он сможет выйти из дома незамеченным. Но лучше подстраховаться. Народ здесь суеверный, а потому будет не лишним вновь воспользоваться маской демона

Крампуса. Нацепив ее на лицо, Миклош вернулся к себе в спальню, быстро оделся, а затем возвратился обратно. Подняв с пола бездыханное тело, он взвалил его на плечо и беспрепятственно вышел из дома. На дворе стоял мороз. Самый разгар зимы. Через несколько недель Проводы Старого Года. И провожать его Миклош будет уже вдовцом...

Олеся приоткрыла глаза. Она не чувствовала своего тела — только дикую адскую боль. Попыталась пошевелить рукой, и боль усилилась настолько, что из горла вырвался стон. В уголке губ лопнула кожа, и рот наполнился соленой кровью.

— О, оклемалась! — где-то над головой проскрипел низкий голос.

Перед глазами плыло, но несколько раз моргнув, Олесе удалось разглядеть румяное стариковское лицо. Белая борода и седые всклокоченные волосы торчали во все стороны. Он кого-то напоминал, но кого?

— Вот и славно. А то уж думал, до следующего года тут пролежишь. Ладно, голубушка, давай, вставай. Времечка-то у нас мало!

Он подхватил ее под мышки и, как куклу, стащил с кровати. Олеся вновь застонала от боли. Странный дед куда-то ее потянул, и ей пришлось прикрыть глаза от нахлынувшей тошноты. Она не могла понять, что именно болело. Боль просто была везде. Даже дыхание давалось с трудом.

Дед выволок ее на улицу, прямо в стылый сырой воздух, и водрузил на телегу. Олеся упала на твердые холодные доски. Сухое сено кололо щеки. Она начала замерзать.

С трудом подтянула ноги к груди и обхватила их руками. В спину будто вонзились раскаленные иглы.

— Ты потерпи, потерпи, голубушка. Скоро уж...

С тихим свистом хлыст рассек воздух, и телега двинулась с места. Замелькали голые деревья, поникшие травы. Олеся снова закрыла глаза. Она не могла ни о чем думать. Где оказалась? Как? Все равно. Лишь бы не чувствовать, как телега подскакивает на каждой кочке. Так холодно... Но холод успокаивал боль, заглушал. Наверное, она задремала, потому что очнулась, когда телега уже остановилась, а дед уговаривал ее слезть. По виску потекло что-то липкое и горячее. Захотелось плакать. В глазах щипало. Босые ноги утонули в грязи.

— Вот, голубушка, постой-ка здесь.

Олеся не выдержала и упала. Брызги коричневой жижки попали в глаза, но ей уже было на все плевать. Зачем он мучает ее? Зачем все ее мучают?

— Ну или посиди, если хочешь.

Дед пожал плечами и подергал белоснежную бороду. Олеся закрыла глаза. Во рту тоже оказалась грязь. Земля вдруг задрожала.

— О! — бодрый голос старика прорвался сквозь пелену отчаяния. — Едут, голубушка. — Хлопок в ладоши эхом и пульсацией отзывался в голове. — Тогда я пошел. А ты веди себя хорошо.

Кряхтя, он наклонился, убрал с глаз Олеси волосы и потрепал по плечу. Как будто действительно был заботливым дедушкой, который впервые отдает непоседливую внучку в детский сад. Его морщинистое лицо вдруг начало расплываться, и Олеся поняла, что все-таки плачет. Она закрыла глаза, а когда открыла вновь, рядом никого уже не было. Земля тряслась сильнее. Заржала лошадь. Резкий звук разрезал воздух, и кто-то выругался. Как же